

К. А. ОСИПОВА

АЛЛИЕНГИЙ В ВИЗАНТИИ В X ВЕКЕ

Проблема коллективной податной ответственности в Византии была предметом неоднократного обсуждения в византиноведческой литературе. По этому вопросу широко известны работы А. Монье, Ф. Дэльгера, Г. Острогорского, Э. Штейна¹. В последнее время к этой теме обращались И. Дэнstrup, И. Караяннопулос, П. Лемерль². Неоднократно ее касались и советские византилисты: Н. В. Пигулевская, Е. Э. Липшиц, А. П. Каждан³. Эта проблема неизменно продолжает привлекать внимание исследователей, ибо, несмотря на свой, казалось бы, частный характер, она постоянно играла большую роль в разрешении общих вопросов византийской истории.

Уже длительное время в науке ведется дискуссия о применении в Византии институтов эпиболе и аллиенгия. Согласно одному из существующих решений этого вопроса, предложенному Г. А. Острогорским, институт эпиболе, означавший принудительную передачу крестьянам запустевшей земли с обязанностью платить за эту землю налоги, был учреждением ранней Византии, которому в VII—VIII вв. приходит на смену аллиенгий. В противоположность эпиболе, определяющей чертой аллиенгия является принудительное взимание с крестьян налогов за запустевшие участки соседей с возможным предоставлением права использовать землю⁴.

¹ H. Monnier. L' ἐπιβολή. „Nouvelle Revue Historique de Droit Français et Étranger“, XVI, 1872; XVIII, 1894; XIX, 1895; F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. Leipzig—Berlin, 1927; его же. Das Fortbestehen der ἐπιβολή in mittel- und spätbyzantinischen Zeit. „Studi in memoria di A. Albertoni“, II, 1934; Г. Острогорский. Византийский податной устав. „Recueil Kondakoff“, Praha, 1926; его же. Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X Jahrhundert. VfSWG, 20, 1927; его же. Das Steuersystem im byzantinischen Altertum und Mittelalter. Byz., VI, 1931; E. Stein. Vom Altertum im Mittelalter. VfSWG, 21, 1928; его же. Histoire du Bas-Empire, vol. II, Paris, 1949.

² J. Danstrup. The State and Landed Property in Byzantium. „Classica et Mediaevalia“, VIII, fasc. 2, 1946; J. Karayannopoulos. Die kollektive Steuerverantwortung in der frühbyzantinischen Zeit. VfSWG, 43, 1956; P. Lemerle. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance: les sources et les problèmes. „Revue historique“, vol. 219—220, 1958.

³ Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже IV—V в. М.—Л., 1946; Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. ВС, 1945; А. П. Каждан. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—X вв. ВВ, X, 1956; его же. Еще раз об аграрных отношениях в Византии IV—XI вв. (по поводу новой работы П. Лемерля). ВВ, XVI, 195).

⁴ G. Ostrogorsky. Das Steuersystem..., S. 235; его же. Die ländliche Steuergemeinde..., S. 26.

Еще более решительная точка зрения по этому вопросу высказана А. П. Кажданом, который отвергает применение института коллективной податной ответственности в Византии VII—IX вв. и относит введение аллиленгия лишь к X в., ко времени Романа Лакапина⁵.

Оба эти мнения опираются на представление о периоде VII—VIII вв. как времени аграрного переворота в Византии, повлекшего за собой коренные перемены в области социально-экономических отношений (в частности в государственной налоговой системе) и способствовавшего утверждению феодализма.

Другое решение вопроса предлагается сторонниками теории неизменности общественных отношений в Византии. Ф. Дэльгер в свое время пытался доказать, что применение эпиболе сохранялось почти до конца византийской истории⁶. Эта точка зрения неоднократно подвергалась критике и в настоящее время может считаться опровергнутой⁷. Однако в последнее время для защиты тезиса о неизменности общественных отношений в Византии было высказано новое мнение по вопросу о применении коллективной податной ответственности. Его автором является ученик Дэльгера греческий византист Иоанн Караяннопулос. Караяннопулос утверждает, что в ранней Византии не было единого метода применения коллективной податной ответственности, но существовали разные формы, в том числе и аналогичные тем, которые применялись в более позднее время. Но неизменным, по мнению Караяннопулоса, было одно — существование принципа коллективной податной ответственности, который был действительным для всего периода византийской истории. Этот принцип „не зависит от той или иной социальной формы Византийской империи и выступает единственно как следствие необходимости обеспечить поступление налогов“⁸. Эту точку зрения Караяннопулоса в ряде моментов склонен поддержать и П. Лемерль⁹.

Однако утверждение о существовании единого принципа коллективной податной ответственности, равно как и простое выявление различных форм его осуществления, ни в какой мере не доказывает тезиса об отсутствии развития в ходе византийской истории. Даже если формы коллективной податной ответственности в разное время византийской истории повторялись, это не может служить показателем индентичности общественных отношений. Одни и те же формы на разных этапах истории Византии могли иметь совершенно различное содержание, определяемое каждый раз характером социально-экономических отношений. Поэтому в настоящее время при подходе к решению данного вопроса особо важное значение приобретает раскрытие социальных предпосылок, обусловивших на каждом этапе византийской истории применение той или иной конкретной формы коллективной податной ответственности.

Как известно, весьма немногочисленные данные, позволяющие ставить вопрос о применении аллиленгия в Византии в VIII—IX вв. (18 и 19 статьи Земледельческого Закона и сообщение Феофана о введении аллиленгия Никифором I), являются до настоящего времени предметом дискуссии. Однако нам представляется, что в пользу иссле-

⁵ А. П. Каждан. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии, стр. 63—64.

⁶ F. Dölger. Beiträge..., S. 129—132.

⁷ G. Rouillard. L'épibolé au temps d'Alexis I Comnène. Byz., X, 1935; E. Stein. Histoire de l'Empire, p. 210, n. 1.

⁸ J. Karayannopoulos. Die kollektive Steuerverantwortung..., S. 321; его же. Das Finanzwesen des frühbyzantinischen Staates. München, 1958, S. 258.

⁹ P. Lemerle. Op. cit., vol. 219, p. 262.

дователей, отрицающих твердо установленное и действенное применение аллиенгия в VIII—IX вв., говорит свидетельство Продолжателя Феофана о состоянии податных дел в империи при Василии I. Логофет геникона претерпел несчастья, и передать их другим с целью извлечения дохода¹⁰. Император отклонил это предложение, и хронист утверждает, что все время правления Василия I весь народ всех провинций избегал фискального контроля и налогов, и земли оставались в пользовании соседей — бедняков¹¹. Несомненно, предполагалась общегосударственная реформа с целью введения уплаты налогов за запустевшие земли с предоставлением права использования этих земель. Иными словами, предполагалось, но не было осуществлено введение аллиенгия¹².

В X в. ко времени Романа Лакапина аллиенгий был введен.

Это подтверждается свидетельством Симеона Метафраста, который, рассказывая о тяжелых бедствиях, постигших Византию в годы „великого голода“ (928 г.), сообщает, что в результате этого соседям было вменено в обязанность платить подати друг за друга. „Голод и мор, эти два зла, способные все погубить, будучи насланы на некоторые села в государстве ромеев, опустошили дома многих людей, сделали безлюдными целые деревни, поселки и селения. Видя это, не только те, кому вверена забота об общем благе, но и сам император, дабы не имели общины задолженности относительно их ежегодных податей, постановили, чтобы соседи вносили налоги умерших и бежавших (ὄπως μὴ τὸ κοινὸν τοὺς δι' ἔτους ἐκείνων φόρους ζημιωθῆ, ψηφίζονται τοὺς πλησιοχώρους καὶ αὐτὰ τὰ ἐκτριβέντων τέλη καὶ οἰχομένων εισπράττεσθαι).

Это было обязательным для всех подданных, и всякий обязан был платить налоги соседей и живших поблизости, либо умерших с голода, либо выселившихся из-за нужды¹³.

Принудительная обязанность общинника платить подати за земли умерших или бежавших соседей — односельчан является твердо установленным порядком, фиксируемым в таком источнике X в., как Податный устав¹⁴. Но в то же время данные Податного устава не оставляют никакого сомнения в том, что реальное осуществление взимания аллиенгия часто становилось затруднительным в связи с ожесточенным сопротивлением общинного крестьянства. Масштабы бегства крестьян при угрозе уплаты алиенгия ко времени составления Податного устава стали таковы, что государство оказалось вынужденным провести специальные мероприятия.

Податный устав сообщает, что при угрозе бегства члена общины от уплаты аллиенгия за запустевшую по тем или иным причинам землю соседа на последнюю давалась так называемая συμπάθεια — частичное или полное снятие налога. Если через 30 лет владелец или его

¹⁰ Theophanes Continuatus, I. Bonnae, 1838, p. 346, 13—16: „... τοὺς ἀγροὺς καὶ τὰ χωρία, ὧν ὁ χρόνος τοὺς δεσποτὰς διὰ τινὰ περιπέτειαν τοῖς οἰκείους ἐπέκλυσε βεῦμασι, πρὸς ἑτέροισι διάδωνται καὶ πρόσδοον ἐντεῦθεν οὐχὶ μικρὰν τῷ ταμείῳ τῷ βασιλικῷ προσπορίσωσιν“.

¹¹ Ibid., p. 348, 2—6: „Καὶ ἐπὶ τούτῳ τὸν ἅπαντα χρόνον τῆς αὐτοκρατορίας αὐτοῦ ἔμεινεν ἀνέποπτος, ὡς ἂν τις εἴποι καὶ ἀνεξίσωτος, ἢ μᾶλλον εἶπειν ἐλεύθερος τε καὶ ἀδιάπρακτος, ὁ ὑπὸ τὴν Ῥωμαϊκὴν ἐξουσίαν ἀπαξ τῶν ὄλων θεμάτων λαὸς καὶ τὰ χωρία καὶ οἱ ἀγροὶ τοῖς γειτονοῦσι τῶν πενήτων προκειμένοι εἰς ἀπόλαυσιν“.

¹² А. П. Каждан. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии..., стр. 63; его же. Еще раз об аграрных отношениях в Византии..., стр. 108.

¹³ K. Zachariä von Lingenthal. Geschichte des griechisch-römischen Rechts. Berlin, 1877, S. 209, Anm. 12.

¹⁴ F. Dolger. Beiträge..., S. 119₁₋₂: „τῶν ἐκ γειτόνων καθελκομένων ἀλληλεγγῶς ἐπὶ τοῖς ἐκείνων .. τελεσμασι“; ibid. S. 119₂₄: „οἱ τοῦ χωρίου ἔποικοι ἀλληλέγγυα ἀπαιτούμενοι“.

наследники не возвращались, этот участок изымался из фонда земель данной общины, превращался в так называемую класму. Эта земля в принципе должна была переходить государству, которое могло ее продать, подарить или реализовать иным способом¹⁵.

Может показаться, что снятие налога с запустевшего участка временно означало отказ от взимания аллиленгия¹⁶. Однако это опровергают данные Податного устава. На общину, оказывается, падают накидки с „освобожденных и изъятых стихов (писцовой книги)“¹⁷. „Тяготы по изъятым целиком графам падают на сельскую общину, а тяготы с изъятых деревенских поселений, агридиев, проастиев и местечек — на соседей“¹⁸, т. е. на соседние поселения.

Следовательно, несмотря на „освобождения“ от налогов, которые по формулировке Устава были, казалось, обусловлены боязнью потерять налогоплательщиков из-за тягот, связанных с внесением аллиленгия, последний продолжал взиматься. Произошло лишь изменение формы взимания: вместо индивидуальных плательщиков — непосредственных соседей „освобожденного“ участка — аллиленгий за него теперь обязывались платить все члены общины. То обстоятельство, что община платила аллиленгий и за класму, видимо, следует понимать только в том смысле, что не вся класма немедленно по изъятии переходила в руки государства и реализовалась им. Очевидно, класма могла по-прежнему оставаться в пользовании общины с условием уплаты за нее аллиленгия. Можно предполагать, что „освобожденные“ (συμπάθεια) и изъятые (κλασμα), но оставшиеся в пользовании общинников земли, за которые аллиленгий взимался со всей общины, использовались совместно всеми общинниками, пополняя фонд коллективных угодий-лугов, пастбищ и т. д.¹⁹

Приведенные свидетельства Податного устава представляют систему податных и земельных изъятий в ином свете, чем это обычно изображалось в научной литературе. Ее введение нельзя рассматривать как простой переход к политике „налоговых облегчений“, ибо с ней связано весьма существенное изменение в практике взимания налогов, а именно — утверждение новой формы аллиленгия. Это обстоятельство, имеющее бесспорно принципиальное значение, не получило, однако, в литературе должного отражения²⁰. Между тем в нашем распоряжении имеется весьма интересный актовый материал X в., который может в известной мере подтвердить общие положения Податного устава.

Несколько афонских актов X в. живо изображают распродажу класм в Фессалоникской феме на полуострове Паллене (Кассандрии) и Афонском перешейке в 941—943 гг. На полуострове Паллене по приказу Романа Лакапина эпюпт и анаграфевс фемы Фессалоники Фома в августе 941 г. совершил продажу класмы Перистерскому монастырю св. Андрея (1800 модиев)²¹ и некоему Николаю (100 модиев)²².

¹⁵ F. Dölger. Beiträge... S. 116_{1—23}. О сроке тридцатилетней давности см. статью Ив. Дуйчева в ВВ, XV, 1957, стр. 64—70.

¹⁶ Эта точка зрения была в свое время высказана Г. А. Острогорским (G. Ostrogorsky. Die ländliche Steuergemeinde... S. 31).

¹⁷ F. Dölger. Beiträge... S. 116_{39—40}; „τῶν συμπεπαθῆμένων... καὶ νεκλασματισμένων στίχων“.

¹⁸ F. Dölger. Beiträge... S. 119_{15—17}; „τὸ μὲν βᾶρος τῶν ἄλοπτῶτων στίχων πρὸς τὴν ὁμάδα τοῦ χωρίου καὶ τὸ βᾶρος τῶν ἄλοπτῶτων χωρίων καὶ ἀγριδίων καὶ προαστείων καὶ τοπῶν πρὸς τοὺς γειτονοῦντας...“.

¹⁹ F. Dölger. Beiträge... S. 132.

²⁰ Его отмечает лишь Ф. Дэльгер (F. Dölger. Beiträge... S. 132, 139).

²¹ Lavra, 3 (G. Rouillard et P. Collomp. Actes de Lavra, I. Paris, 1937).

²² Lavra, 4. Анализ этих актов дан Г. А. Острогорским (G. Ostrogorsky. The peasant pre-emption right. „Journal of Roman Studies“, 1947, vol. 37).

Очевидно, около этого же времени класма на Афонском перешейке была продана общине села Иериссо²³. Но в силу того, что при продаже не было установлено точных границ между владениями крестьян Иериссо и афонских монахов, в мае 942 г. между ними возникла тяжба. Для урегулирования дела сюда был послан упомянутый выше эпопт Фома, который по прибытии установил грацицы²⁴, утвержденные позднее, в августе 943 г., стратигом фемы Фессалоники Катакалоном²⁵.

Насколько позволяют судить материалы тяжбы крестьян Иериссо с афонскими монахами, земля на Афонском перешейке к 40-м годам X в. распределялась между общинниками села Иериссо²⁶, монастырем Иоанна Колову и несколькими более мелкими монастырями²⁷. Село Иериссо было центром *ὑποταγή*, т. е. всего комплекса общинных земель, подлежащих налоговому обложению, иными словами, центром податного округа²⁸. Очевидно, владения мелких монастырей — Ортогомату, Христины, Спилеоту — также входили в состав общины: эти монастыри совместно с крестьянами владели класмой, а в борьбе за нее, разгоревшейся в начале 40-х годов, выступили вместе с крестьянами „за всю общину“²⁹.

Община Иериссо располагала, видимо, довольно значительным количеством класмы. Судя по трем документам тяжбы, класма шла к югу от Иериссо, простираясь на Афонский полуостров и „соединяясь с Афонской горой“³⁰. Кроме того, в другой стороне *ὑποταγή* Иериссо находилась класма под названием Камена³¹. На Камене располагалась так называемая Кафедра старцев, где раньше, до учреждения протата в Карее (в 870 г.), находилось центральное управление афонских монахов.

Та часть класмы Камены, на которой находилась Кафедра старцев, до 40-х годов X в. была в пользовании афонских монахов³².

До 941 г. класма, шедшая к югу от Иериссо, совместно использовалась крестьянами Иериссо и близлежащими монастырями³³. Кроме того, в ее использовании участвовали монастырь Иоанна Колову и афонские монахи. В то время относительно класмы не производилось никаких размежеваний, описей владений и определения их границ, „чтобы известно было, откуда простирается владение монахов и откуда начинается класма, использовавшаяся крестьянами и прочими монасты-

²³ F. Dolger. *Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges*. Munchen, 1948, № 107, 17; K. Lake. *The Early Days of Monasticism on Mount Athos*. Oxford, 1939, p. 81.

²⁴ K. Lake. *Op. cit.*, p. 76—79.

²⁵ Lavra, 5.

²⁶ K. Lake. *Op. cit.*, p. 81: „τῆς κοινότητος τῆς χωρᾶς“.

²⁷ В акте упомянуты три монастыря: τῆς Ἁγίας Χριστινῆς, τοῦ Ὁρθανοῦ ἢ Γωματοῦ, τοῦ Σπυλεῶτου (F. Dolger. *Aus den Schatzkammern*... № 107, 6—7).

²⁸ K. Lake. *Op. cit.*, p. 76 „τῆς ὑποταγῆς τοῦ Ἱερισσοῦ...“

²⁹ Определение *ὑποταγή* дается в Податном уставе. F. Dolger. *Beitrage*... S. 114_{35—37}—115₂. Ἰποταγή была самой мелкой налогово-административной единицей, непосредственно связанной с общиной.

³⁰ F. Dolger. *Aus den Schatzkammern*... № 107, 15—16; K. Lake. *Op. cit.*, p. 81; „τῆς μετὰ τὴν ἡγουμένην μετὰ τῶν χωριῶτων ὑπερὸ πάσης τῆς κοινότητος τῆς χωρᾶς“

³¹ K. Lake. *Op. cit.*, p. 76: „ἐπεὶ δὲ ἡ γλασματικὴ γῆ τῆς ὑποταγῆς τοῦ Ἱερισσοῦ... ἐστὶ γὰρ συγγνωστὰ τῷ ὀρει τοῦ Ἰθωνοῦ“.

³² F. Dolger. *Aus den Schatzkammern*... № 107, 1—2; K. Lake. *Op. cit.*, p. 79: „ἐν ἐτέρῳ μερὶ ἐστὶ τοῦ Ἱερισσοῦ ὑποταγῆ τοῦ γλασματος τοῦ Καμενοῦ“.

³³ П. Успенский. *История Афона*, т. III, ч. I Киев, 1877, стр. 11.

³⁴ F. Dolger. *Aus den Schatzkammern*... № 107, 3: „κατ' ἕχεται πᾶσα τῶν μοναχῶν γὰρως γὰρ πρῶταρχα“.

³⁵ K. Lake. *Op. cit.*, p. 77: „κατεῖχον οἱ ἰω καταὶ καὶ τὰ ἰο πα μοναστῆρια κα ἐνε-

рями; напротив, владение каждого было перемешано и не определено³⁴.

Начало 40-х годов вносит весьма серьезные изменения в характер использования класмы на Афонском перешейке. За некоторое время до этого императором Романом Лакапином был издан специальный хрисовул относительно таких земель³⁵. В соответствии с этим хрисовулом и по непосредственному приказу императора эпопт Фома совершает в феме Фессалоники в 941—943 гг. упомянутую выше продажу класмы и в том числе продает общинникам Иериссо ту самую класму на Афонском перешейке, которую они ранее использовали. Особенно примечательным является сообщение в акте о том, что продажа класмы на Афонском перешейке осуществляется впервые, что „до сих пор не было там контроля эпоптов и продажи класмы“.³⁶ Реализация класмы государством происходит не только путем продажи. В это же время афонские монахи получают, согласно хрисовулу, в виде дарения Кафедру старцев на Камене³⁷, т. е. часть класмы, которой они владели здесь и раньше. Но теперь эпопт Фома специально обмеряет эту землю, составляет ее опись и фиксирует это в особом *ὀπόμνημα*. Очевидно, несколько ранее 941 г. часть класмы была здесь подарена и монастырю Иоанна Колову. Эпопт Фома, прежде чем приступить к определению границ владений класмой между крестьянами Иериссо и афонскими монахами, указывает, что он оставляет неприкосновенной „такую землю, подаренную монастырю Колову“³⁸, ибо она уже обмежавана разными лицами и границы владений монастыря Колову и крестьян Иериссо установлены.

Приведенный материал афонских актов может служить достаточно убедительной иллюстрацией к Податному уставу. Действительно, класма, продаваемая и отдаваемая в дар государством в начале 40-х годов, до этого находилась в совместном использовании членов общины — крестьян Иериссо и соседних монастырей. Ее использовали также, будучи ближайшими соседями, и афонские монастыри. Причем в одном из приведенных афонских документов мы находим такое интересное свидетельство: афонские монахи, защищая свои права на спорную класму, в качестве первого аргумента выдвигают утверждение, что „в кодексах на изъятую землю (класму) на их имя записаны налоги“³⁹. В византий-

³⁴ *Ibidem*: „ἵνα ἐκ τούτου ἐδείκνυτο ἕως τοῦ ἔστιν ἡ τῶν μοναχῶν ἐπικράτεια, κακεῖθεν ἡ κλασματικὴ γῆ, ἡ παρὰ τῶν χωρίων καὶ τῶν λοιπῶν μοναστηρίων κατεχομένη. Ἄλλ' οὕτως συγχεωμένη καὶ ἀδιάγνωστος ὑπῆρχεν ἡ ἐκάστου δεσποτεία“.

³⁵ *Lavra*, 4: „τοῦ... χρυσοβούλλου τῶν βασιλέων ἡμῶν, περὶ τῆς τοιαύτης γῆς“. Хрисовул не дошел до нас. Ф. Дельгер датирует его 941 годом (*F. Dölger, Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches, T. I. München—Berlin, 1924, № 639*).

³⁶ *K. Lake. Op. cit., p. 77*: „μὴ γενέσθαι μέχρι τοῦ νῦν ἐκεῖσε ἐποπτικὴν διάγνωσιν καὶ τὴν τοῦ κλάσματος διάπρασιν“.

³⁷ *F. Dölger: Aus den Schatzkammern... № 107, 1—2; K. Lake. Op. cit., p. 79*: „Ἡ δὲ λεγομένη Καθῆδρα τῶν Γερόντων... ἀπεδόθη δὲ διὰ χρυσοβούλλου τοῖς μοναχοῖς...“

Ibid., p. 82: „Ἐξῆθεν δὲ τούτων ἔχειν ἡμᾶς καὶ τὴν Καθῆδραν τῶν Γερόντων τὴν ἐν τῷ χρυσοβούλλῳ μνημονευομένην“. Какой хрисовул имеется в виду, неизвестно. Ф. Дельгер полагает, что речь идет о сигиллии Льва VI 873 г., хотя и делает оговорку, что „там (в сигиллии. — *K. O.*) это сказано совсем неясно“ (*F. Dölger. Aus den Schatzkammern... S. 288*). Однако в сигиллии Льва VI речь идет лишь о неудавшейся попытке монастыря Иоанна Колову присоединить к своим владениям ряд мелких афонских монастырей и Кафедру старцев путем подделки императорского хрисовула. Возможно, в разбираемом акте имеется в виду упоминавшийся выше хрисовул Романа Лакапина о класмах.

³⁸ *K. Lake. Op. cit., p. 77*: „κατέλιπον τῇ μονῇ τοῦ Κολοβοῦ δωρεὰν τὴν τοιαύτην γῆν“.

³⁹ *K. Lake. Op. cit., p. 77*: „ἐν τοῖς τοῦ κλάσματος κώδιξιν ἀναγράφει δημόσια εἰς πρόσωπον τῶν μοναχῶν τοῦ Ἀθῶνος“.

ской практике за класму могли взиматься налоги либо тогда, когда она после ее дарения или продажи государством поступала новому владельцу⁴⁰, либо за нее должен был взиматься аллиленгий со всех членов общины, если государство оставляло эту землю на известное время в пользовании общинников.

По известным нам источникам, афонские монахи до 40-х гг. X в. не получали от государства класмы ни в виде дарений, ни в результате продажи, и лучшим доказательством этого служит то, что при разборе дела они не имели возможности сослаться на какой-либо подобный документ.

Остается предполагать, что упомянутые налоги могли быть аллиленгием, вносившимся афонскими монахами наряду с жителями Иериссо и другими монастырями за совместное использование класмы на Афонском перешейке.

Система податных и земельных изъятий явилась весьма важным нововведением в практике использования заброшенных земель.

Изменения в формах использования этих земель, происшедшие к 40-м годам X в., станут особенно ясными, если учесть свидетельства от конца IX в., в частности сигиллий Льва VI от 893 г. где речь идет о тех же землях, которые фигурируют в актах 941—943 гг. Из сигиллия следует: „Все прочие класмы на Каменах и в других местностях должны быть в соответствии с уставом о класмах свободны от налогов и использоваться всеми соседями“⁴¹. Отражение этих порядков можно заметить и в акте 897 г., где говорится о продаже земельного участка, окруженного со всех сторон заброшенной землей. Однако на эту землю сохраняется право *εἰσόδων... καὶ ἐξόδων*.⁴²

Эти данные документов конца IX в. об использовании заброшенных земель вполне согласуются с цитированным выше отрывком Продолжателя Феофана относительно состояния податных дел в империи в этот период.

Несомненно, что в конце IX в. еще не начала действовать та система класм, какую мы знаем по источникам X в.⁴³ Само слово класма в сигиллии Льва VI не имеет значения технического термина, которое оно приобретает в тот период, когда вступили в силу порядки, описанные в Податном уставе. Здесь это просто „заброшенная земля“⁴⁴.

Можно попытаться наметить некоторые хронологические рамки введения системы класм в X в.

Если начало 40-х годов X в. было временем первых известных нам государственных реализаций класмы, то этот институт, судя по Податному уставу, мог возникнуть в сравнительно недавнее время, самое большее 30—35 лет назад. Как мы видели, его введение сопровождалось установлением новой формы взимания аллиленгия — со всех чле-

⁴⁰ Lavra, 3; 4; F. Dölger. Aus den Schatzkammern..., № 1/2; P. Lemerle. Op. cit., vol. 219, p. 263.

⁴¹ K. Lake. Op. cit., p. 84—86: „Τὰ δὲ λοιπὰ πάντα κλάσματα τῶν τε Καμενῶν καὶ τῶν λοιπῶν κατὰ τὸν τύπον τῶν κλασματικῶν ἐλευθεριάζειν καὶ νέμεσθαι αὐτὰ πάντας τοὺς παρακειμένους“.

⁴² Lavra, 1.

⁴³ Противоположную точку зрения высказал П. Лемерль, который полагал, что практика земельных изъятий уже существовала в эпоху Василия I (P. Lemerle. Op. cit., vol. 219, p. 256). Это утверждение уже было подвергнуто критике в советском византиноведении (см. А. П. Каждан. Еще раз об аграрных отношениях в Византии..., стр. 108). Присоединяясь к выводам А. П. Каждана, заметим, что используемый П. Лемерлем отрывок из Продолжателя Феофана не содержит никаких данных, позволяющих судить о предполагавшемся государственным „отторжении земель от общины“ в IX в. с целью передачи новым владельцам.

⁴⁴ F. Dölger. Beiträge..., S. 140.

нов общины. Известно, что после 928 г. — года „великого голода“ — аллиенгий взимался в форме внесения податей соседями за запустевшие земли односельчан. В то же время новеллой, до последнего времени датированной 922 г., устанавливается право предпочтения для крестьян при продаже государством класм⁴⁵. Однако в настоящее время намечается пересмотр датировки этой новеллы, отнесение ее к более позднему времени, во всяком случае после 934 г.⁴⁶ Это дает нам основания предполагать, что период между 928 и 941 годами был временем возможного введения системы податных и земельных изъятий и новой формы взимания аллиенгия. Около этого времени мог появиться и Податной устав⁴⁷.

* * *

В работах советских исследователей, а также югославского ученого академика Г. А. Острогорского была выдвинута новая концепция становления феодальных отношений в Византии. Согласно этой концепции, утверждение феодализма и закрепощение византийского крестьянства проходит в два этапа. Первый этап (конец IX—X вв.) — это время централизованного государственного наступления на сельскую общину, в результате чего основная масса общинного крестьянства была превращена в государственных париков. На втором этапе (начиная со второй половины X в.) в процессе развития феодального поместья одержала верх вотчинная форма эксплуатации, в результате чего государственные парики постепенно превратились в частновладельческих крестьян⁴⁸.

Важнейшим фактором превращения свободного общинного крестьянства в „государственных париков“ было установление жестокого податного гнета, одним из наиболее действенных рычагов которого был институт аллиенгия, введенный первоначально как обязанность общинников платить подати за запустевшие земли соседей. Эта форма взимания аллиенгия, несомненно, связана с общиной, с ее старой традицией — правом общинников на землю соседей. Использование ее в податных целях в значительной мере способствовало подчинению общинников и могло в течение известного времени гарантировать государству поступление налогов с общинного крестьянства.

Введение новой формы взимания аллиенгия со всей общины — мера, которую византийское правительство вынуждено было провести в результате резкого усиления борьбы общинного крестьянства против податного гнета, в конечном итоге в еще большей степени приводило к закабалению общины, ибо ставило на службу фиску всю общинную организацию с ее традиционными правопорядками.

Возражая И. Караяннопулосу, следует особо подчеркнуть, что в той и в другой форме институт аллиенгия в X в., помимо своей „технической“ функции — одного из главных орудий налоговой системы, —

⁴⁵ Jus, II, 240.

⁴⁶ P. Lemerle. Op. cit., vol. 219, p. 266; А. П. Каждан. Еще раз об аграрных отношениях в Византии... стр. 93.

⁴⁷ К первой половине X в. относит Податной устав Г. А. Острогорский, справедливо считающий, что „отраженные в нем социально-экономические отношения больше отвечают первой, чем второй половине X в.“ (Г. Острогорский. К истории имунитета в Византии. ВВ, XIII, 1958, стр. 63, прим. 36).

⁴⁸ А. П. Каждан. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии... стр. 58; G. Ostrogorski. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956, p. 18—19.

несет еще и функцию социальную, исторически конкретную, обусловленную важнейшими факторами общественного развития Византии этого времени.

Эта роль алиенция — во взаимодействии с другими институтами становится особенно ощутимой, когда мы попытаемся проследить ее конкретные результаты.

Если отбросить демагогическую фразеологию Податного устава о налоговых „облегчениях“ и попытаться ответить на вопрос, приносили ли система класм и новый метод взимания алиенция реальное облегчение общинникам, то ответ будет, несомненно, отрицательным. Во-первых, практика земельных изъятий приводила к постоянному сокращению количества земель, находившихся во владении сельских общин⁴⁹, к росту за счет этих земель крупного феодального землевладения⁵⁰. Во-вторых (и для нас это особенно важно), новый метод взимания алиенция означал неуклонное увеличение налогового бремени, падавшего на каждого члена общины, платившего налоги.

Анализируя последствия от введения системы класм и нового метода взимания алиенция, необходимо реально представлять себе структуру и процессы, происходившие в византийской общине в X в. Как известно, в этот период в общине происходит бурный процесс внутреннего разложения. Как в территориальном, так и в хозяйственном отношении община в X в. отличается исключительной сложностью. Она обнимает различные виды сельского поселения, характеризуется крайней пестротой и разнородностью типов индивидуальных наделов. Наряду с мелкими хозяйствами беднейших крестьян в византийской деревне можно видеть крупные владения зажиточных общинников, более того, — представителей класса феодалов, проникших в общину и постепенно подчиняющих ее. Развитие податной экскуссии и всевозможных льгот, предоставлявшихся представителям крупного феодального землевладения, приводило к тому, что в общинах непрерывно сокращалось число действительных налогоплательщиков.

Состояние дел в общине убедительно показывает Податный устав, где дается конкретное описание порядка обложения общинников налогами. Сначала подсчитывается так называемая *ρίζα χωρίου* — общая сумма налогов, которая охватывает весь перечень налоговых объектов, включенных в податной список каждой отдельной деревни. После установления *ρίζα* производится обмер всей *ὕποταγή*, т. е. всего земельного фонда данной общины, в результате чего устанавливается количество земли в модиях. Затем производится определение нормы (коэффициента) обложения. Для этого сумма модиев сопоставляется с *ρίζα* и подсчитывается количество модиев, соответствующих одной номисме налога. На основе этой нормы обложения в дальнейшем определяется, сколько падает на долю каждого налогоплательщика⁵¹.

Податной устав предписывает особенно тщательно подсчитывать сумму *ρίζα*. При ее исчислении учитываются все виды налоговых обязательств — действительные платежи (*τελούμενα*), скидки налогов (*συμπάθεια*), налоговые изъятия (*κλάσματα*), пошлины писцовых книг, налоги на всевозможные выделенные земельные участки, проастии, наконец, суммы всевозможных денежных пожалований и привилегий и т. д. Следовательно, при подсчете *ρίζα* наряду с реальными платежами учитываются суммы налогов, в действительности не выплачивающихся их номинальными плательщиками. Правда, соответствующая им земля

⁴⁹ Ср. P. Lemerle. Op. cit., vol. 219, p. 263, 265.

⁵⁰ G. Ostrogorsky. The peasant pre-emption right, p. 122 f.

⁵¹ F. Dölger. Beiträge... , S. 114—115.

в принципе должна была учитываться при обмере всей ύποταγή. Но в реальной практике весь этот порядок мог легко открывать возможности для злоупотреблений, для повышения нормы обложения путем преднамеренного увеличения суммы ρίσα. Есть основания видеть следы этой порочной практики в том же Податном уставе.

В этом документе довольно подробно говорится о так называемых *προκατασπαρμένα λογίσματα* — налоговых пожалованиях, которые представляли собой не что иное, как полное освобождение от государственных налогов владений того или иного церковного учреждения⁵². Получающие такое пожалование монастыри не платят более налогов в той деревне, где находится получившее такую привилегию владение, более того, это владение подлежит самостоятельному обмеру, исключается из общинной ύποταγή, переходит в категорию *ιδιόστατα*, самостоятельных земельных участков, не связанных более с общиной.

Однако Податный устав при определении нормы обложения предписывает учитывать суммы налогов и с этих участков⁵³.

Податной устав включает в сумму ρίσα и арендную плату (*πάκτων*), считает ее государственным налогом, хотя одновременно и подчеркивает, что она „взимается иначе“ (*οὐχ οὕτως καθὼς ἀπαιτοῦνται*)⁵⁴.

Эти примеры позволяют судить об определенной тенденции в практике налогового обложения — к максимальному увеличению ρίσα, а в результате, — к повышению нормы налогового обложения.

Махинации при определении нормы обложения были, очевидно, одним из весьма распространенных приемов, позволявших податным чиновникам совершать злоупотребления при обложении. Об этом убедительно свидетельствуют источники более позднего времени⁵⁵.

В акте 1081 г. описывается случай, когда обложение налогами Афонской Лавры было определено к выгоде монахов на основе нормы обложения 535 модиев на номисму. При обмере владений выяснилось, что Лавра обладает значительными земельными излишками по сравнению с суммой платимого налога. Чтобы не допустить передачи этих излишков фиску, податный чиновник произвольно изменяет норму обложения — до 590 модиев на номисму, чтобы достигнуть соответствия количества земли и платимого за нее налога⁵⁶.

Тенденция государственной налоговой политики Византии к повышению нормы обложения была вполне закономерной в условиях глубокого расслоения деревни, утверждения феодальных отношений и укрепления крупного феодального землевладения, когда неуклонное сокращение числа налогоплательщиков грозило значительным понижением уровня государственных доходов. Результатом этой тенденции было резкое различие в степени налогового обложения, ибо создавалось положение, когда беднейшие слои налогоплательщиков были принуждены платить относительно большие, а богатые — относительно меньшие суммы государственных налогов.

Мы не располагаем данными источников о применении аллиленгия во второй половине X в. Однако известно, что самые последние годы этого столетия ознаменовались проведением новых податных реформ.

⁵² Об этих пожалованиях см. Г. Острогорский. К истории иммунитета в Византии, стр. 64—65.

⁵³ F. Dölger. Beiträge... S. 119_{10—11}: „Εἰ δ' οὖν ὁ τὴν ἐπιβολὴν ποιῆσαι βουλούμενος, συνεισάγει ταῦτα καὶ οὕτως τὴν ἰκάνωσιν ἀπεργάζεται“.

⁵⁴ F. Dölger. Beiträge... S. 123.

⁵⁵ Lavra, 43; 48; 53.

⁵⁶ Lavra, 43. См. об этом G. Rouillard. L' 'Επιβολή au temps d'Alexis Komnène. Byz., 1935, t. X, p. 86—87; F. Dölger. Zur Textgestaltung der Laura-Urkunden. BZ, 1939, № 39, S. 53—54; 58.

Мероприятия Василия II следует рассматривать как попытку одной из двух основных группировок господствующего класса — столичной бюрократии — вернуть себе позиции, в значительной мере утраченные в предшествующий период, в годы правления Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия, когда провинциальная феодальная знать заняла господствующее положение. В 995 г. по приказу Василия II была проведена податная ревизия и пересмотр писцовых книг⁵⁷. В 1001/1002 г. последовал известный указ Василия II об аллиенгии. Василий II постановил, что „налоги за бедных, которые умерли, должны взыскиваться с богатых“⁵⁸.

Это мероприятие Василия II обычно в литературе рассматривается как особая акция, в сущности не связанная с состоянием податных дел в империи в предшествующий период⁵⁹. Но в отрыве от материалов предшествующего времени аллиенгий Василия II вряд ли может быть правильно понят. В известной мере введение нового порядка взимания аллиенгия было актом борьбы против враждебной феодальной партии, но прежде всего этот шаг Василия II явился своеобразным итогом грабительской налоговой политики Византийского государства, основанной на старых методах взимания налогов. То обстоятельство, что прежние формы аллиенгия перестали быть действенными, и практическая невозможность их применения среди широких масс разорявшихся налогоплательщиков вынудили Василия II пойти на эту необычную меру, вызвавшую, естественно, взрыв ожесточенного недовольства в феодальных кругах. Как известно, после смерти Василия II (1025) введенный им аллиенгий был отменен Романом Аргиром немедленно по вступлении на престол (1028). Хронисты указывают, что это собирался сделать и Константин VIII, если бы смерть ему в этом не помешала⁶⁰.

Неудача попытки Василия II ввести новый порядок в уплате аллиенгия свидетельствует о несомненном кризисе в применении одного из важнейших элементов византийской государственной налоговой системы.

Однако мы не имеем оснований утверждать, что после отмены аллиенгия Василия II, этот институт совершенно исчез из византийской налоговой практики. Некоторые данные о коллективной ответственности налогоплательщиков содержатся в источниках XI—XII вв. Эти материалы должны стать предметом дальнейшего изучения византинистов.

⁵⁷ Н. А. Скабаланович. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884, стр. 87.

⁵⁸ Cedr., II, p. 456₃₋₈; Zonaras, IV, p. 119—120.

⁵⁹ P. Lemerle. Op. cit., vol. 219, p. 262; F. Dölger. Beiträge..., S. 130.

⁶⁰ Cedr., II, p. 486₇₋₈; Zonaras, IV, p. 128.